

DOI: 10.20913/2224-1841-2021-3-18

УДК 139.316 б

Оригинальная научная статья

Арцах в дискурсе информационно-психологического противоборства акторов новой «Большой игры»

В. В. Собольников

Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено анализу психологической сущности и содержания информационно-психологического противоборства акторов новой «Большой игры» в рамках шестинедельного арцахского конфликта. Анализ новейшей практики модифицированных стратегических и бихевиористских операций раскрывает новизну и актуализирует полученный материал. *Методология и методика исследования.* Новая «Большая игра» как психоаналитический концепт и категория раскрывает контекст технологий информационно-психологического противоборства в англосаксонском дискурсе. Игра как научный инструмент сводит к гиперболизации значения доступа к алгоритмам и технологиям деструктивных коммуникаций системы противоборства на «южном фронте». Становится востребованной методология системного и дискурс-анализа, вскрытия фрагментов информационно-психологического противоборства, операций и технологий нового типа. *Результаты исследования.* Концептуализированный дискурс, несущий нарративы «лояльной» политики с внутренней логикой управления, задает «зависимый мир», способы его понимания и репрезентации. Синтез фрагментов противоборства акторов на основе психологического исследования раскрывает характер борьбы за доминирование. Унификация процесса, а затем «принуждение к согласию и должному порядку» раскрывают используемый ими механизм психологического воздействия. По итогам работы автором выявляются основные формы, схемы, фрагменты британской стратегической операции как модификации операции «Азербайджан» начала XX в., а также бихевиористской операции как попытки решения конфликта Баку и Еревана по Арцаху. Анализ взглядов исследователей деятельности западных спецслужб приоткрывает двухуровневую модель борьбы акторов, где имеется два внутренне замкнутых и относительно самостоятельных контура управления. Отмечается эффективность стратегии Баку с внедрением новых киберпсихотехнологий, искусственного интеллекта, беспилотных летающих аппаратов (БЛА), разведывательно-дезинформационных мобильных групп (РДМГ) и др. Отсутствие должной стратегии, штаба противоборства и опоры на потенциал, дефицит нанесения упреждающих ударов, их перехвата и т. д. привели Ереван к поражению. *Теоретическая и практическая значимость.* Результаты исследования вносят вклад в теорию и практику информационно-психологического противоборства.

Ключевые слова: новая «Большая игра», дискурс, информационные и психологические технологии, стратегическая и поведенческая операции, оперативная игра, информационно-психологическое противоборство, модификация поведения социума

Для цитирования: Собольников В. В. Арцах в дискурсе информационно-психологического противоборства акторов новой «Большой игры» // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11, № 3. С. 184–194. DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2021-3-18>

DOI: 10.20913/2224-1841-2021-3-18
Original Paper

Artsakh in the discourse of the information-psychological confrontation of the actors of the new “Great Game”

Sobolnikov, V. V.

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

Abstract. The author analyzes the psychological essence and content of the information-psychological confrontation of the actors of the new “Great Game” within the framework of the six-week Artsakh conflict. The analysis of the latest practice of modified strategic and behavioral operations reveals the novelty and actualizes the obtained material. Methodology and methods of the research. The new “Great Game” as a psychoanalytic concept and category reveals the context of technologies of information-psychological confrontation in the Anglo-Saxon discourse. The game as a scientific tool leads the meaning of access to algorithms and technologies for destructive communications of the confrontation system on the “southern front” to hyperbolization. The methodology of system and discourse analysis, revealing fragments of information and psychological confrontation, operations and technologies of a new type, is becoming popular. Results of the research. The conceptualized discourse, which carries the narratives of “loyal” politics with the internal logic of management, sets “the dependent world”, the ways of understanding and representation. The synthesis of fragments of the actors’ confrontation on the basis of psychological research reveals the nature of the struggle for domination. The unification of the process, and then the “enforcement to consent and due order” reveal the mechanism of psychological influence used by them. Based on the results of the work, the author identifies the main forms, schemes, fragments of the British strategic operation as a modification of the operation “Azerbaijan” of the early 20th century, as well as the behaviorist operation as an attempt to resolve the conflict between Baku and Yerevan over Artsakh. The analysis of the views of researchers of the activities of Western intelligence services reveals a two-level model of the struggle of actors, where there are two internally closed and relatively independent control circuits. The author notes the effectiveness of the strategy of Baku with the introduction of new cyber-psycho-technologies, artificial intelligence (AI), unmanned aerial vehicles (UAVs), reconnaissance and disinformation mobile groups (RDMG), etc. The lack of a proper strategy, the headquarters of the confrontation and reliance on the potential, the shortage of pre-emptive strikes, their interception, etc. led Yerevan to defeat. Theoretical and practical significance. The research results contribute to the theory and practice of information-psychological confrontation.

Keywords: new “Great Game”, discourse, information and psychological technologies, strategic and behavioral operations, operational game, information-psychological confrontation, modification of the society’s behavior.

Citation: Sobolnikov, V. V. [Artsakh in the discourse of the information-psychological confrontation of the actors of the new “Great Game”]. *Professional education in the modern world*. 2021, vol. 11, no. 3, pp. 184–194. DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2021-3-18>

Введение. Шестинедельная война в попытке развязать «карабахский конфликт», имеющий затяжной характер, в основе которого лежит притязание Армении и Азербайджана на Нагорный Карабах (далее по тексту – Арцах) с выдвиганием территориальных, этнических и национальных доказательств закончилась. Длительная подготовка к ней, выбор начала боевых действий и информационно-психологическое сопровождение обеспечили Баку успех. В условиях ведения боевых действий сторонами конфликта были задействованы «медиавирусный» механизм, медийное прикрытие от СМИ и независимых наблюдате-

лей¹. Азербайджаном использовалась информация в виде кадров беспилотного летающего аппарата (БЛА), подтверждающих ход событий, в то время как Арменией – снимки мобильных телефонов. Отмечены единичные случаи применения «роевого эффекта БЛА», а также «эффекта айфона» в целях компиляции или создания нового продукта.

¹ Медиавирус (англ. *media virus*) – термин, введенный американским специалистом средства массовой коммуникации (СМК) Дулласом Рашкоффом (1994) для обозначения медиасобытий (где медиа – средства коммуникации), прямо или косвенно вызывающих определенные изменения в жизни общества.

В целом просматривается выход сторон конфликта на более высокий уровень информационно-психологического противоборства. При этом раскрывается деятельность ряда акторов (США, Англия и др.), включенных в новую «Большую игру» (New Great Game) за контроль над Южным Кавказом². Конфликт на территории Арцаха приостановлен, но при сохранении конкурентного потенциала на предельном уровне его проявления не устранен. В связи с этим возникла настоятельная потребность исследования сложившейся системы информационно-психологического противоборства, выявления особенностей и ее уникальных признаков.

Постановка задачи. Южный Кавказ, представляя собой особое гео- и этнополитическое образование (Азербайджан, Армения, Грузия) с конца XX в. стал зоной «этнического разлома» [16] и территориальных конфликтов [17]. Наибольшая конфликтность сохраняется в Нагорно-Карабахской республике, территория которой де-юре принадлежит Азербайджану, но большую часть населения составляют армяне [3]. Устойчивая включенность в конфликт Турции на стороне Азербайджана, влияние которой на Баку³ является многоаспектным и стало основой роста конфликтности в регионе. На стороне Анкары и Баку выступила также Британия, что обусловлено ее историческими планами, когда несколько столетий назад в Закавказье пересеклись интересы Британии, Турции, Ирана и России [3; 17]. Контроль над территориями от Ближнего Востока до окраин Центральной Евразии⁴ и стремление изменить конфигурацию баланса сил и границ ряда государств для Лондона остается главной целью.

Применительно к политической психологии дефиниция новой «Большой игры» (New Great Game) может быть представлена в виде психолого-

² Маргарян Р. Британский гамбит со шпионскими скандалами. URL: <https://www.golosarmenii.am/article/111933/britanskij-gambit> (дата обращения: 29.04.2021); Мальшев В. Зачем США Нагорный Карабах? URL: <https://nstarikov.ru/zachem-ssha-nagornyj-karabah-120084> (дата обращения: 29.04.2021).

³ Мусави Н. Два государства, одна нация: турецкое влияние в Азербайджане как «палка о двух концах». URL: <https://oc-media.org/ru/statyi/dva-gosudarstva-odna-natsiya-turetskoe-vliyanie-v-azerbaydzhane%E2%80%89kak%E2%80%89palka-o-dvukh-kontsakh/> (дата обращения: 05.04.2021); Македонцев П. Турция и Азербайджан: от евроинтеграции к Великому Турану. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/11/25/turciya-i-azerbaydzhane-ot-evrointegracii-k-velikomu-turanu> (дата обращения: 05.04.2021).

⁴ Лучников Г. Англичанка гадит: неожиданный след в войне в Нагорном Карабахе. URL: ukraina.ru/Эксклюзив/20201118/1029663960.html (дата обращения: 05.04.2021).

политического дискурса со своей внутренней логикой и системой аргументации, раскрывающих парадигму межэтноконфессиональных [1; 3; 15] и межгосударственных отношений между ведущими акторами вообще и Баку и Ереваном в частности. Таким образом, будучи моделью репрезентации, игра дает объяснение политико-психологическим процессам, протекающим в этом регионе.

Анализу этого феномена посвящены работы многих исследователей (Китспоттер, 2005; Cooley, 2012; Laruelle, 2013; Fu, 2010 и др.), в которых просматриваются отличные друг от друга взгляды. Вместе с тем в исследованиях обнаруживается ряд идей классической геополитики прошлого, переложенных на современный контекст. Наличие де-факто автократических режимов и проблем их легимитизации, дегуманизация этносов, вплоть до подстрекательства к геноциду [2; 4; 11], замысел регионального контроля, по их мнению, проецирует дискурс экспансионистской политики Запада [7]. Концептуализированный дискурс новой игры [3; 8], несущий нарративы «лояльной» политики с внутренней логикой управления, формируют «зависимый мир», иные способы его понимания и репрезентации. Система глубоких противоречий, лежащих в основе этноконфессиональных и межгосударственных конфликтов, привели к ожесточенному информационно-психологическому противоборству между Баку, Ереваном, Анкарой, Лондоном. Анализ имеющейся литературы (И. М. Попов, М. М. Хамзатов, 2017; А. В. Манойло, 2003; М. Г. Мокшанов, 2015; Н. Conn, 2009; Y. Grooll-Yaari, 2007; F.W. Engdahl, 2008; F. Hoffman, 2007; F. Hill, K. Kiri, A. Moffatt, 2015 и др.), экспертных оценок и материалов СМИ, а также фрагментов средств противоборства позволяет вскрыть психологические аспекты этого феномена. По мере усиления антироссийской деятельности ведущими мировыми игроками в исследуемом регионе актуализируются проблемы информационно-психологического противоборства. Выделенный нами дискурс как проблема в научной литературе не получил должного осмысления, отсутствует ее теоретико-прикладной анализ.

Методология и методика исследования. Теоретико-методологическая основа исследования. В качестве методологических и теоретических основ анализа использован ряд положений, вытекающих из анализа проблем новой «Большой игры», формирующих дискурс этноконфессиональной политики, этнических и религиозных факторов взаимодействия и конфликтов в регионе Южного Кавказа [3; 6–10; 17–21]. Исследование психологических аспектов противоборства акторов проводилось с учетом сложности этноконфессиональных отношений закавказских обществ, пребывающих в транзитивном состоянии [1; 2].

Поэтому в основу был положен комплекс социально-психологических принципов и общенаучных методов, а именно: принципов всеобщей связи, объективности, противоречия, методов системного и дискурсивного анализа, синтеза, аналогии и научного обобщения. В исследовании использовались работы отечественных и зарубежных авторов, изучающих различные аспекты ведения информационно-психологического противоборства.

Результаты. Цель работы состоит в анализе социально-психологических аспектов информационно-психологического противоборства субъектов арцахского конфликта. Для ее достижения решались следующие задачи:

а) изучить характер информационно-психологического противоборства в регионе и раскрыть комплексный его характер;

б) рассмотреть особенности информационно-психологического противоборства как ведущих, так и региональных акторов с выделением современных технологий.

1. *Новая «Большая игра» на Южном Кавказе: стратегическая операция англосаксов в информационно-психологическом противоборстве*

Южный Кавказ как одним из конфликтогенных регионов, где переплетение этнотерриториальных, конфессиональных проблем и геополитических интересов [1; 2; 6; 9; 10; 17; 21] сформировало ряд реалий:

а) этноконфессиональная идентичность, порождаемая этнонационализмом с его этноконфликтами и сепаратистскими явлениями; поликонфессионализм с включением исламского радикализма шиитского, ваххабитского толка и их модернизированных разновидностей;

б) формирование новых схем взаимодействия закавказских государств с включением в орбиту влияния мировых ведущих держав (Британии, США и т. д.) в рамках новой «Большой игры»;

в) трансформация карабахского конфликта из внутреннего межэтнического в межгосударственный – между Баку и Ереваном, которые в совокупности определили тенденции информационно-психологического противоборства акторов на Южном Кавказе. При этом фокус исследований специалистов из близлежащих (Иран, Турция и др.) и ряда других стран (Британии, США и т. д.) сосредоточен на изучении связи явления с причинами его порождения и функционирования [1; 6; 10; 14; 18; 24]. В этой связи имеющая длительную историю экспансионистская политика англосаксов за мировые ресурсы, в частности стратегические территории Закавказья, обнажает природу исследуемого феномена [3; 8; 16].

В Британии под противоборством понимается «целенаправленная реализация комплекса мероприятий по дезорганизации и установлению контроля над системой государственного и военного управления противника путем информационно-технического и информационно-психологического воздействия на его информационные ресурсы, на общественное и индивидуальное сознание, подсознание населения и личного состава вооруженных сил (в особенности на лиц, принимающих наиболее важные решения в сфере управления), а также обеспечение собственной информационной безопасности»⁵.

Упрочение англо-турецкого альянса открыло перспективу новой «Большой игры», пролонгировав реализацию начатой Британией в начале XX в. стратегической операции «Азербайджан». Извлеченные из архива материалы ее проведения были, очевидно, модифицированы и в обновленном варианте реализуются, можно предположить, в виде стратегической операции «Азербайджан-2». Перспективной для Британии стала возможность осуществления плана деструктивизации тюркской компоненты как ближнего зарубежья, так и России [10]. Поэтому составной частью проводимой операции стало при усилении психологического и «смыслового» содержания актуализация старых целей. Прежней целью (с прошлого века) оставалась следующая: отрезать нефть Каспия от России, а вытеснив ее из Закавказья, обеспечить выход Британии в Среднюю Азию [3; 5]. Ключевой установкой выступало установление контроля над евразийским мультимедийным хабом Север – Юг, Запад – Восток)⁶. Инспирируя новый конфликт в Арцахе⁷, англосаксы рассматривали территорию региона в качестве плацдарма для борьбы с геополитическими противниками.

Встроенность целевых установок в стратегическую операцию как одну из острых форм противоборства обусловлена технологией борьбы Британии за ресурсы [3; 7; 15; 25]. Анализ фрагментов

⁵ Димлевич Н. Информационные войны в киберпространстве – Великобритания и Израиль (II). Часть 1. URL: /политика/https://www.fondsk.ru/pview/2010/11/08/informacionnyevojny-v-kiberprostranstve-velikobritanija-i-izrail-873.html# (дата обращения: 30.06.2021).

⁶ Аствацатрян И. Алчный блеск английского лицемерия в Арцахе/Карабахе, война в Закавказье. URL: https://www.golosarmenii.am/site/authors (дата обращения: 30.06.2021).

⁷ Кудрявцев В. Карабахская война и планы британо-турецкого альянса. URL: https://news-front.info/2020/11/15/karabahskaya-vojna-i-plany-britano-tureczkogo-alyansa/ (дата обращения: 30.05.2021) ; Севак Д. «Британский след» в Карабахской войне: когда СНБ будет изучать «британские активы» в армянских НПО?. URL: https://inosmi.ru/politic/20201113/248529974.html (дата обращения: 30.06.2021).

проведения технологии позволяет воспринимать ее как систему с наличием двух внутренне замкнутых и относительно самостоятельных контуров управления и технологий противоборства. При этом верхний – наиболее скрытый контур вероятностной модели⁸ составила стратегическая операция, реализуемая британской разведкой. Второй контур представлен в виде «поведенческой операции» [8], разработанной в рамках стратегии ведения противоборства с включением механизма «подталкивания» [21].

Мониторинг позволил выявить используемые методы стратегического выбора в условиях ограничения и специализацию технологий в рамках значимых направлений. Интерес представлял реакцию исполнителей в реальном или предполагаемом времени. При этом фиксируемые фрагменты проводимых оперативных мероприятий, оперативные игры и комбинации обеспечивались психологическим сопровождением [8]. К исполнению на различных этапах подключались агенты влияния, а также иные оперативные средства и разработчики с информационно-ударными комплексами. При этом в процессе арцахского кризиса осуществлялась высокого уровня координация ее проведения. Поскольку «ахиллесовой пятой» Закавказья всегда были этноконфессиональные отношения, то при проведении оперативных мероприятий использовались существующие этноконфессиональные противоречия [11, С. 394–396, 409–418] между азербайджанцами и армянами.

В качестве боевых применялись нарративы с заложенным механизмом преувеличения негативных и преуменьшения положительных аспектов, что приводило к формированию «когнитивных искажений». Придавая статус определяющей черты психического состояния тому или иному этносу при минимизации позитивных аспектов, например, формировалось состояние навязанного психического дискомфорта, ведущего к когнитивному диссонансу. В целях склонения к должной деятельности применялась смысловая манипуляция когнитивной сферы социума, что побуждало к ее трансформации, а затем и переходу в планируемое поведенческое состояние [18]. Поэтому в качестве ключевого элемента стратегической операции использовались средства манипуляции массовым сознанием. Заложенный в поведенческую операцию вектор манипулирования смысловыми, когнитивными и поведенческими потоками всех структурных ее компонентов обеспечивал оказание управляющего и деструктивного воздействия на противную сторону.

⁸ Зыкин Д. «Большая игра» Британии как подготовка современного удара по России. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/202121151-WhMsB.html> (дата обращения: 30.06.2021).

Анализ медиадискурса в определенной степени раскрывает содержание конструирования сторонами конфликта, который воспринимался в одном случае как «освободительная война», а в другом – как «справедливая война». В условиях информационно-психологического противоборства «намеренное искажение» реальности получило отражение в материалах СМИ, в которых оказались вскрыты отдельные факты проведения акторами подрывной деятельности. Так, по данным РУСАРМИНФО, Спутника Армении и ряда других в Армении была раскрыта работа более 20 агентов противника⁹, «за деятельность, несовместимую со статусом» выдворена работающая под прикрытием представителя ЮНИСЕФ в Армении подданная Британии Марин Кларк-Хаттинг и т. д.

В контексте изложенного просматривается направленность деятельности британской и ряда других разведок в Закавказье, контуры новых технологий и методы оперативной работы¹⁰. Особый интерес вызывают проводимые ими оперативные игры. Реализуемые на тактическом уровне, они представляют собой разновидность оперативных комбинаций с поэтапным уточнением цели и задач, определяемых ходом игры. В основе игры находится оперативный контакт для компрометации противника, выявления и разоблачения агентуры, нанесения ущерба его интересам, устремлениям, а также срыва планов [9]. В СМИ обстоятельно описывается работа одной из разведок, которой 15 лет назад был завербован один из лидеров армянского парламента агент «Сириус». Разоблачение и последующая его перевербовка спецслужбами Армении позволили создать канал по дезинформации и созданию условий для проведения оперативной игры с противником.

Другим не менее значимым является агент «Пересмешник», которым после организации массовых беспорядков создал оппозиционное движение с включением в его руководство активных членов оппозиции. После бархатной революции, в результате которой «Пересмешник» был продвинут на одну из ведущих в республике позиций. В числе основных задач, поставленных перед ним, стало проведение в регионе пробританской политики

⁹ Армянская контразведка раскрыла более 20 шпионов. URL: <https://rusarminfo.ru/2019/12/08/armyanskaya-kontrazvedka-nacheku-skolko-shpionov-pojmali-specsluzhby/> (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁰ Глава UNICEF в Армении объявлена персоной нон грата СМИ. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/03/08/glava-unicef-v-armenii-obyavlena-personoy-non-grata-smi?from=special> (дата обращения: 30.06.2021).

и сближение с Турцией при одновременном отходе от России¹¹ и Ирана¹².

Изложенная выше информация об агентах разведок отдельных акторов имеется в открытой армянской и зарубежной прессе. Однако органы власти Армении оставляют это без внимания, что порождает у населения состояние когнитивного диссонанса. Отдельные эксперты полагают, что такая ситуация связана с вероятностью проведения оперативных игр либо зашифровки деятельности более ценных источников в рамках дальнейшего проведения стратегической операции.

В целом фрагментарный анализ имеющихся материалов по проводимой стратегической операции позволяет воспринимать ее в качестве одного из острых средств активного информационно-психологического противоборства англосаксонской системы подавления конкурирующих оппонентов и противника. Применение новых технологий обеспечило оперативно-психологическое прикрытие и сопровождение¹³ мероприятий, проводимых военно-политическим руководством Британии в регионе. В итоге, несмотря на имевшие место «проколы», британской разведке удалось обеспечить скрытность проведения комплекса оперативных мероприятий. При этом стали очевидными цели, задачи, специфика и направленность ее работы при проведении стратегической операции [8]. Более того, Британия при организации информационно-психологического противоборства в регионе определенную роль отводит Турции, государственная идеология которой склоняется к концепции панисламизма и пантюркизма [9; 10].

2. *Арцах как сфера противоборства акторов и полигон для проведения операции по скрытой модификации поведения*

Информационно-психологическое противоборство Баку и Еревана получило свое развитие задолго до начала боевых действий в Арцахе. В его основе просматриваются концепция о геноциде народа Азербайджана армянами [4; 9; 11; 13; 16; 22] и исторические факты геноцида армянского народа турками [4; 6; 11; 13]. Активно сторонами противостояния применялись любые средства, включая этноконфессиональные противоречия и архетипы (Великая Армения, Арарат, Керахач, Волк, Олень, Бута и др.), стимулирования кон-

фликтообразующих факторов, провоцирующих факты проявления терроризма и этногеноцида [9; 16; 23; 25]. Оставаясь во многом политизированной, спровоцированная Лондоном и Анкарой¹⁴ борьба в арцахском конфликте приобрела ожесточенный характер в своих крайних проявлениях экспансии, воплощенной в деструктивной деятельности. На подготовительном этапе фондом «Открытое общество» («Фонд Сороса»), посольством США в Армении была инициирована бархатная революция [6] с приходом к власти оппозиции. При этом поддержка Турцией и Британией Азербайджана¹⁵ проявилась во многих направлениях, в том числе в оказании ими информационно-психологической поддержки и политического содействия. Результаты мониторинга 6 498 фейковых аккаунтов армянских соцсетей по частоте распространения дезинформации показывают, что на 1-м месте находится Азербайджан (31 %), на 2-м – Турция (21 %), на 3-м – Британия (19 %) ¹⁶.

В стремлении выдвинуть Россию с Южного Кавказа Лондон [7] создает коалицию, привязывая к себе Анкару перспективой создания «Великого Турана» [12], а Баку – функционированием более 500 британских нефтяных фирм и обеспечением условий для стимулирования развития республики. При этом учтено, что Турция и Азербайджан, будучи двумя государствами с общим языком, историей, культурными и религиозными ценностями, вносят в свои отношения особый смысл и наполняют их эмпатийной близостью. Сопровождение этого процесса было обеспечено использованием адекватных моделей, алгоритмов, технологий и продуктивных политико-этнических коммуникаций. Ратификация «Договора о стратегическом партнерстве и взаимопомощи» между Баку и Анкарой стала основой для разработки операции «Железный кулак» и планирования комплекса мероприятий по информационно-психологическому воздействию на Армению и Арцах. Летом 2020 г. после завершения совместных учений в Азербайджане для координации военной операции на территории Арцаха оставлено 600 военных специалистов ВС Турции.

¹⁴ *Балиев А.* «Зангезурский коридор»: кто подыгрывает притязаниям Баку на Южную Армению? URL: <https://vpoanalytics.com/2021/04/30/zangezurskij-koridor-ktopodygryvaet-prityazaniyam-baku-na-yuzhnyu-armeniyu/> (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁵ *Газетов В. И., Ветров М. Н.* Стамбул как оранжерея шпионажа. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/61520720> (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁶ *Григорян Э.* Дезинформацию про Карабах распространяли из Азербайджана, Турции и Великобритании. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/karabah/20201117/25375571/Dezinformatsiyu-pro-Karabakh-rasprostranyali-iz-Azerbaydzhana-Turtsii-i-Velikobritanii.html> (дата обращения: 30.06.2021).

¹¹ *Маркарян К.* Операция МИ-6 и турецкой МИТ против русских миротворцев в Карабахе. URL: www.vpoanalytics.com (дата обращения: 30.06.2021).

¹² *Прохватиллов В.* Британские тайны турецкой экспансии. URL: <https://vpoanalytics.com/2021/04/13/britanskie-tajny-turetskoj-ekspansii/> (дата обращения: 30.06.2021).

¹³ *Маргарян Р.* Британский гамбит. URL: https://yerkramas.org/article/180664/britanskij-gambit?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 30.06.2021).

В результате созданы все условия для проведения боевой операции с включением других акторов информационно-психологического противоборства в регионе.

Системный анализ имеющейся литературы и фрагментов информационно-психологического противоборства Еревана с Баку убеждает в проведении последним «behavioral» (поведенческой) операции [18]. Лондон с учетом уровня развития теории и практики трансформации поведения социума, видимо, оказал консультативную и непосредственную помощь в проработке элементов бихевиористской операции. Организационно она была встроена во второй контур системы противоборства при соподчинении целям, задачам, фрагментам и этапам проведения стратегической операции. Приобрела свою конкретизацию и целевая направленность операции на побуждение панических настроений, падения духа, дисциплины и склонение военнослужащих Арцаха и Армении к прекращению сопротивления, а также вызов недовольства населения деятельностью структур управления и дискредитацию союзников.

С началом боевых действий Лондон, по неподтвержденным данным, использовал возможности инфо-подразделений «Бригады 77», находящихся на Украине, которые с помощью мемов, вирусных видео и миллионов фейк-аккаунтов в соцсетях продвигали нужные вбросы¹⁷. Одновременно Анкара перебросила армейский спецназ и боевиков из «Джабхат ан-Нусра», «Фиркат Хамза», «Султан Мурад», признанных террористическими организациями. Особого внимания заслуживают применение разведывательно-дезинформационных мобильных групп (РДМГ)¹⁸, выполняющих специальные задания (проведение оперативных игр, распространение дезинформации, слухов и др.) на территории противника. Члены групп имели навык ведения партизанской войны, реализации дезинформационных мероприятий и применения психотехнологий (методы стимуляции когнитивной деятельности, допроса и др.) в боевых условиях.

К началу боевых действий все выявленные риски интернета были купированы, поддерживался карантинный режим (COVID-19), что позволило

¹⁷ Александров И. Сотрудничество с МІ6 и секретная 77-я бригада: как на самом деле Лондон продвигает антироссийскую повестку. URL: <https://politpuzzle.ru/123469-sotrudnichestvo-s-mi6-i-sekretnaya-77-ya-brigada-kak-na-samom-dele-london-prodvigaet-antirossijskiyu-povestku/> (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁸ Черненко Е. Принуждение к конфликту. Источники «Ъ» рассказали, как Турция готовила почву для обострения. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4537733#id1962787> (дата обращения: 30.06.2021).

Баку избежать утечки информации о мероприятиях и допуска на территорию неподконтрольных представителей СМИ. Главным каналом с начала боевых действий стал Twitter президента Азербайджана, по которому он в высшей степени грамотно информировал о занятых/освобожденных населенных пунктах. По их завершении применялись видеоподтверждения Министерства обороны на официальных YouTube- и Telegram-каналах [14]. Использовались идентификационные, негативные и «ударные» клипы; эффекты «тоннеля», драматизации и моментальности; методы психического заражения в виде волнообразного нарастания на основе слухов негативных панических настроений. Были задействованы агенты влияния для оказания воздействия и охвата части армянского электората, склонного к зависимости, внушению через мотивационную сферу, идентификацию, предупреждение. В целом это не только позволило блокировать поступление данных из районов боевых действий, но и исключило влияние враждебной информации и слухов. При этом оказывалось воздействие на население Армении в выгодном плане и с учетом этнопсихологических особенностей населения.

Следует отметить тщательную профессиональную и психологическую проработку азербайджанской стороной киберпространства, чему способствовала связь через посредников с британскими кибер-подразделениями. Кроме того, в течение всего конфликта азербайджанскими хакерами, например, «Karabakh Hacking Team», осуществлялись системные атаки на сайты Армении. Ими было взломано около 100 веб-сайтов армянской сети, где затем распространялись слухи, размещались антиармянские материалы и т. д. Первой акцией Азербайджана стало информационное сообщение о нападении, совершенном Арменией, что якобы и побудило его армию перейти в контрнаступление. Поэтому на начальном этапе Баку в информационном поле сыграл роль обороняющейся стороны с отражением этого в виртуальных конструктах [8; 24]. С помощью VPN-технологий¹⁹ была распространена информация о якобы повсеместной победе армянской армии. В результате состоялось погружение противника в дезинформационную среду с механизмом его «подталкивания» к восприятию виртуальной картины в виде победы над врагом только силами армян. В таком информационном поле, где поступающая информация и ее источники подвергались дискредитации, армянское население

¹⁹ VPN (Virtual Private Network) – виртуальная частная сеть, технология, которая работает поверх Интернета. Данные, передающиеся по VPN, шифруются. Такая сеть позволяет подключиться к корпоративной сети из любой точки мира.

было дезориентировано, а затем и «расколото» на отдельные противостоящие части.

Информационный обмен сторон конфликта, в основе которого была дезинформация [12] о боевых потерях, обвинениях в использовании террористов и т. д. значительно усилили процесс деструктивизации армянского населения. Заявление президента Азербайджана с отражением информации в режиме онлайн с помощью БЛА о взятии г. Шуша повергло армянское общество в сильнейший стресс, перешедший затем в массовый индуцированный психоз. В сложном положении оказалось военно-политическое руководство, оно было расколото, ощутило бессилие с невозможностью изменить ход событий. Процесс разложения проявился и в Вооруженных Силах Карабаха, где, по данным ее командующего М. Акопяна²⁰, зафиксировано 1,5 тыс. дезертиров, установлены случаи распространения среди военнослужащих пораженческих настроений, фактов их склонения к уходу с позиций, добровольной сдачи в плен. Имели место самовольный уход отдельных подразделений с позиций, а также вызывающие недоверие случаи их пленения и т. д.

В этих условиях поражение Армении стало неизбежным, что вызвало у специалистов вопросы, поскольку ранее в 4-дневной войне 2016 г. Ереваном в «гибридном» варианте был эффективно реализован потенциал арсенала информационно-психологических средств, в частности применены психологические операции, электронные средства войны, дезинформация, прямые информационные атаки и т. д.

Психологические операции и дезинформация использовались, как утверждает бывший зам. министра обороны Азербайджана Ч. Мамедов, для манипуляции общественным мнением как внутри своей страны и среди ее союзников, так и в Азербайджане. В этом конфликте, по его мнению, Ереван использовал элементы гибридной войны с опорой на местных сепаратистов, националистические и псевдорелигиозные организации, подрывную работу спецслужб, а также возможность проведения этнической чистки²¹. На территории Азербайджана провоцировались столкновения на социальной, национальной, религиозной почве, недоверие к власти, а также политическая борьба и ожидание репрессий против оппозиции. Велась презентация в СМИ «зверств» в отношении мирного

населения и пленных, наблюдалось активное стремление к достижению информационного превосходства. Ереван в предыдущей войне обнаружил высокий потенциал информационно-психологического противоборства, как полагает эксперт, добился поставленной цели. Ч. Мамедов отмечает, что из своего прошлого поражения Баку, проанализировав поражение, сделал должные выводы. В Арцахском информационно-психологическом противоборстве поражение Еревана привело к разрушению ряда стереотипов: «азербайджанцы – это нация торговцев, а не воинов», «азербайджанцы не умеют воевать», «Азербайджан – слабая и бедная страна» и т. д.

Частично соглашаясь с выводами эксперта, следует подчеркнуть, что Армения по числу мероприятий в арцахском конфликте 2020 г. несколько превосходила противную сторону, однако четко выверенного дискурса не имела. Отсутствие адекватной концепции информационно-психологического противоборства, единства в военно-политическом руководстве привело к борьбе за личную власть, а имеющийся потенциал не был реализован. Набор тезисов: «будет новый “геноцид”», «против нас воюют турки и террористы», «если Армения проиграет, то проиграет и России» и ряд других, носил лозунговый характер, высветивший глубокие противоречия в армянском обществе. Ситуацию использовали спецслужбы ряда акторов и посредством актуализации противоречий углубили кризисные явления. В сложившихся условиях Армения и Арцах были обречены на поражение, и только взвешенная позиция России смогла предотвратить наступление полного краха.

Выводы. Анализ психологической сущности и содержания противоборства акторов новой «Большой игры» по итогам шестинедельного арцахского конфликта в предельно жесткой информационно-психологической борьбе показывает его незавершенность. Применение новых технологий, киберпсихотехнологий, ИИ, БЛПА, РДМГ, оперативных средств сторонами противостояния усилило процесс гибридизации, протекающий в скрытых формах. Этноконфессиональная взрывоопасность региона, связанная с наличием многовекторных интересов акторов усиливается и приобретает перспективу повлечь непредсказуемые последствия. Использование боевых нарративов «лояльной» политики с внутренней логикой управления обеспечило «зависимый мир», способы его иного понимания и репрезентации. Унификация процесса, а затем «принуждение к согласию и должному порядку» показывают механизм психологического воздействия. Формы, схемы, фрагменты стратегической и бихевиористской операций как попытки решения конфликта по Арцаху убеждают в этом. Различного рода нововведения,

²⁰ А argumenti.ru: в пятый день вооруженного конфликта на территории Нагорного Карабаха у Армении было уже 1 500 дезертиров. Соответствующую информацию озвучил генерал-полковник Мовсес Акопян.

²¹ Мамедов Ч. Информационная война Армении против Азербайджана. URL: <https://interfax.az/print/671699/ru> (дата обращения: 30.06.2021).

как в концептуальном плане, так и в методах реализации технологий, примененные комплексно, обнаруживают ряд уникальных черт, которые требуют более глубокого анализа. Их использование в рамках новой «Большой игры» не завершается

и обнаруживается в устремлениях мировых акторов как к Закавказью, так и Центральной Азии [10]. Проведенное нами исследование создает основу для последующего анализа проблем информационно-психологического противоборства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма : пер. с англ. Москва : КАНОН-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия : сб. ст. к 70-летию академика Н. А. Симония. Москва, 2002. С. 109–128.
3. Гаджиев К. С. «Большая игра» на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра Москва : Междунар. отношения, 2010. 344 с.
4. Исмаилов А. Идеология, философия и преступления армянства и армянского фашизма. 2-е испр. и доп. изд. Баку : Фонд «Знание», 2018. 640 с.
5. Казанцев А. Сценарии и тенденции эволюции ситуации в Центрально-азиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года. Москва : МГИМО – Университет, 2013. 21 с.
6. Ковалева Т. С. Стратегия манипулирования в информационной войне (на материалах текстов ИноСМИ, посвященных Южноосетинскому/Грузинскому конфликту, 2008 г.) // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 78–86.
7. Кушнерук С. Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны в британских интернет-СМИ // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4. С. 79–91. DOI: 10.17516/2311-3499-041.
8. Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/1054> (дата обращения: 15.06.2021).
9. Мифы и конфликты на Южном Кавказе. Т. 1. Инструментализация исторических нарративов / ред. О. Карпенко ; Д. Джавахишвили. Intern. Alert, 2013. 192 с. URL: https://www.international-alert.org/sites/default/files/Caucasus_MythsConflict_Vol1_RU_2013.pdf (дата обращения: 11.06.2021).
10. Мхитарян Н. Консолидация тюркского мира в идеологии и политической практике официальной Анкары (ретроспективный анализ этапов) // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 5. С. 155–196.
11. Платонов Ю. П. Этническая экспансия. Санкт-Петербург : Речь, 2010. 599 с.
12. Почепцов Г. (Дез)информация. Киев : Изд. Паливода А. В., 2019. 246 с.
13. Сидорчик А. Гибель народа. Краткая история геноцида армян в Османской империи // Аргументы и факты. AIF.ru. 2014. URL: http://www.aif.ru/society/history/gibel_naroda_kratkaya_istoriya_genocida_armyan_v_osmanskoj_imperii (дата обращения: 09.03.2021).
14. Смирнов А. И. Современные информационные технологии в международных отношениях. Москва : МГИМО-Университет, 2017. 334 с.
15. Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. Москва : Рипол Классик, 2004. 656 с.
16. Шафиев Ф. Этнические мифы и предубеждения как препятствие на пути урегулирования противостояний: армяно-азербайджанский конфликт // Кавказ и глобализация. 2007. Т. 1, № 2. С. 66–80.
17. Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы) / отв. ред. В. А. Гусейнов. Москва : Красная звезда, 2008. 392 с.
18. Hill F., Kari K., Moffatt A. Retracing the Caucasian Circle - considerations and constraints for U. S., EU, and Turkish engagement in the South Caucasus // Policy Paper. 2015. № 6. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/south_caucasus.pdf (accessed 07.02.2021).
19. Libicki M. The convergence of information warfare // Strategic Studies Quarterly. 2017. Vol. 11, № 1. P. 49–65. URL: https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/SSQ/documents/Volume-11_Issue-1/Libicki.pdf (accessed 09.02.2021).
20. Nichol J. Armenia, Azerbaijan, and Georgia: political developments and implications for US interests // Congressional Research Service, April 2, 2014. URL: <https://fas.org/srg/crs/row/RL33453.pdf> (accessed 17.04.2021).
21. Punsmann G. B. Turkey's interest and strategies in the South Caucasus // South Caucasus: years of independence. Bonn, 2011. P. 280-298.
22. Reeves R. G., Voeneky S., Caetano-Anollés D., Beck F., Boëte C. Agricultural research, or a new bioweapon system? // Science. 2018. Vol. 362, iss. 6410. P. 35–37.
23. Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. U. S. Policy toward the South Caucasus. Take Three. Washington, 2017. 36 p.
24. Simons G. Policy and political marketing: promoting conflict as policy // Journal of Political Marketing. 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/15377857.2020.1724426?needAccess=true> (accessed 05.04.2021).
25. Szafranski R. A theory of information warfare. Preparing for 2020 // Airpower Journal. 1995. Vol. 9, № 1. P. 56–65. https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/ASPJ/journals/Volume-09_Issue-1-Se/1995_Vol9_No1.pdf (accessed 03.05.2021).

REFERENCES

1. Anderson B. *Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. Moscow, KANON-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001, 288 p. (In Russ.).
2. Bogaturov A. D., Vinogradov A. B. Enclave-conglomerate type of development. Experience of trans-system theory. *East-West-Russia: collection of articles on the 70th anniversary of academician N. A. Simoniya*. Moscow, 2002, pp.109–128. (In Russ.).
3. Gadzhiev K. S. *"The Great Game" in the Caucasus. Yesterday, today, tomorrow*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 2010, 344 p. (In Russ.).
4. Ismailov A. *Ideology, philosophy and crimes of Armenians and Armenian fascism*. 2nd rev. and add. ed. Baku: «Znanie» Foundation, 2018, 640 p. (In Russ.).
5. Kazantsev A. *Scenarios and trends in the evolution of the situation in the Central Asian region of the CSTO collective security after 2014*. Moscow, MGIMO University, 2013, 21 p. (In Russ.).
6. Kovaleva T. S. The strategy of manipulation in the information war (based on the materials of foreign media texts devoted to the South Ossetian/Georgian conflict, 2008). *Political Linguistics*, 2011, no. 3, pp.78–86. (In Russ.).
7. Kushneruk S. L. The discursive world of information-psychological warfare in British online media. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2018, no. 4, pp. 79–91. DOI 10.17516 / 2311-3499-041. (In Russ.).
8. Manoilo A. V. Information war and new political reality (I). *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 2021, no. 1. URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/1054> (accessed 15.06.2021). (In Russ.).
9. Karpenko O., Javakhishvili J. (eds.) *Myths and conflicts in the South Caucasus. Volume 1. Instrumentalization of historical narratives*. Intern. Alert, 2013, 192 p. URL: https://www.international-alert.org/sites/default/files/Caucasus_MythsConflict_Vol1_RU_2013.pdf (accessed 11.06.2021). (In Russ.).
10. Mkhitarjan N. Consolidation of the Turkic world in the ideology and political practice of official Ankara (a retrospective analysis of the stages). *Central Asia and the Caucasus*, 2004, no. 5, pp. 155–196. (In Russ.).
11. Platonov Yu. P. *Ethnic expansion*. Saint Petersburg, Rech, 2010, 599 p. (In Russ.).
12. Pocheptsov G. *(Dis)information*. Kiev, Palivoda A.V. Publ., 2019, 246 p. (In Russ.).
13. Sidorchik A. The death of the people. A brief history of the Armenian genocide in the Ottoman Empire. *Arguments and Facts. AIF.ru*, 2014. URL: http://www.aif.ru/society/history/gibel_naroda_kratkaya_istoriya_genocida_armyan_v_osmanskoj_imperii (accessed 03.09.2019). (In Russ.).
14. Smirnov A. I. *Modern information technologies in international relations*. Moscow, MGIMO-University, 2017, 334 p. (In Russ.).
15. Hopkirk P. *The Great Game against Russia: Asian syndrome*. Moscow, Ripol Classic, 2004, 656 p. (In Russ.).
16. Shafiev F. Ethnic myths and prejudices as an obstacle to the settlement of confrontations: the Armenian-Azerbaijani conflict. *The Caucasus and Globalization*, 2007, vol. 1, no. 2, pp. 66–80. (In Russ.).
17. Huseynov V. A. (ed.) *The South Caucasus: trends and problems of development (1992-2008)*. Moscow, Krasnaya Zvezda, 2008, 392 p. (In Russ.).
18. Hill F., Kari K., Moffatt A. Retracing the Caucasian Circle - considerations and constraints for U. S., EU, and Turkish engagement in the South Caucasus. *Policy Paper*, 2015, no. 6. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/south_caucasus.pdf (accessed 07.02.2021).
19. Libicki M. The convergence of information warfare. *Strategic Studies Quarterly*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 49–65. URL: https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/SSQ/documents/Volume-11_Issue-1/Libicki.pdf (accessed 09.02.2021).
20. Nichol J. Armenia, Azerbaijan, and Georgia: political developments and implications for US interests. *Congressional Research Service*, April 2, 2014. URL: <https://fas.org/srg/crs/row/RL33453.pdf> (accessed 17.04.2021).
21. Punsmann G. B. Turkey's interest and strategies in the South Caucasus. *South Caucasus: years of independence*. Bonn, 2011, pp. 280–298.
22. Reeves R. G., Voeneky S., Caetano-Anollés D., Beck F., Boëte C. Agricultural research, or a new bioweapon system? *Science*, 2018, vol. 362, iss. 6410, pp. 35–37.
23. Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. *U. S. Policy toward the South Caucasus. Take Three*. Washington, 2017, 36 p.
24. Simons G. Policy and political marketing: promoting conflict as policy. *Journal of Political Marketing*, 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/15377857.2020.1724426?needAccess=true&> (accessed 05.04.2021).
25. Szafranski R. A theory of information warfare. Preparing for 2020. *Airpower Journal*, 1995, vol. 9, no. 1, pp. 56–65. URL: https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/ASPJ/journals/Volume-09_Issue-1-Se/1995_Vol9_No1.pdf (accessed 03.05.2021).

Информация об авторе

Собольников Валерий Васильевич – доктор психологических наук, профессор, профессор факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет (Российская Федерация, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 11.08.2021

После доработки 12.08.2021

Принята к публикации 13.08.2021

Information about the author

Valery V. Sobolnikov – Doctor of Psychology, Professor, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (28, Vilyuiskaya str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com).

The paper was submitted 11.08.2021

Received after reworking 12.08.2021

Accepted for publication 13.08.2021